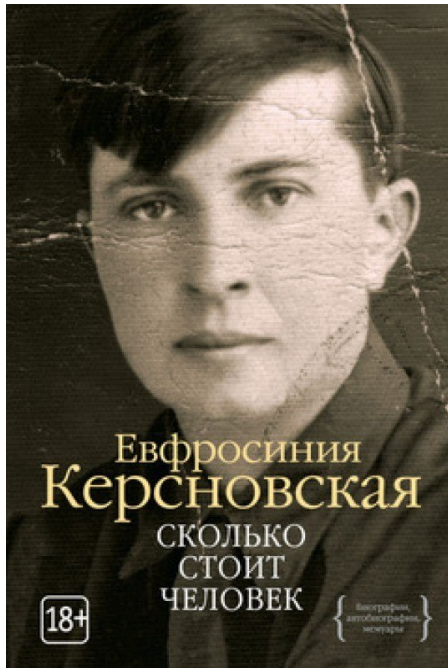

Книжная полка

В этом году россияне получили настоящий подарок. Впервые за много лет переиздана книга Е.А. Керсновской «Сколько стоит человек». В годы перестройки отрывки из неё публиковались в журнале «Огонёк», затем увидела свет и сама книга. Но она вышла в нескольких томах, с огромным количеством иллюстраций, и массовому читателю была недоступна по цене от 6 тысяч и выше. Теперь книга выпущена издательством «КоЛибри», в ней 800 страниц, и приобрести её может каждый.

Воспоминания Евфросинии Керсновской «Сколько стоит человек» - одна из удивительных мемуарных книг XX века. Это почти невероятная история о поединке с тоталитарным государством и о том, что из этого поединка можно выйти победителем. На долю Керсновской выпало 20 лет ссылок, тюрем, лагерей, но лишения и тяжкие испытания её не сломили. В книге повествуется о силе и бессилии, о страданиях и унижениях, об отчаянии, о смерти и крови. Но закрываешь её с ощущением света и веры в то, что человек во всех обстоятельствах может оставаться человеком - и «ни единой долькой не отступаться от лица, но быть живым, живым и только, живым и только до конца».

Ранее наша газета публиковала воспоминания жигулёвца Г.И. Шмелёва, работавшего вместе с Керсновской в Норильских шахтах. Сегодня предлагаем вашему вниманию отрывок из книги.

«...И вот опять собрание. После традиционного заявления о том, что фашизм будет «уничтожен», начальник лесоповала Хохрин объявил:

- Наш рабочий коллектив решил помочь нашей доблестной Красной армии: я наложил бронь на сорок мешков пшена, которое будет отправлено в действующую армию.

Решение принято единогласно.

- Нет, не принято! - вырвалось у меня...

Я слишком изматывалась на работе, чтобы иметь силы как-то общаться с местным населением, но в тех редких случаях, когда я заходила в дома, где жили люди семейные, то, что я видела, приводило меня в ужас. Дети, которых я встречала в Суйге, не имели

детства. Например, дети Ядвиги, польки. В первую мировую войну она была эвакуирована на восток и жила где-то возле Чернигова. Её муж - солдат, попавший в плен к немцам, - из плена вернулся домой, в ту местность, что отошла к Польше. В 1927 году полякам, живущим в СССР, объявили, что они могут вернуться на родину. Радости её не было предела! Она списалась с мужем, заполнила все анкеты, выполнила необходимые формальности и с нетерпением ждала. И дождалась: её повезли... Не сразу она и поняла куда! Лишь после догадалась: не на родину везут её, а в Сибирь. Навсегда.

Трудно поверить, через какие страдания она прошла. Но среди ссыльных она нашла себе мужа: горе плюс горе - получилась семья. Одним словом, выжила. Больше того, раз за разом она родила восьмерых девочек! Было нелегко, но жизнь наладилась. Но наступил 1937 год. Люди дрожали, слыша шум мотора катера - «чёрного ворона». И дрожали не напрасно: люди исчезали навсегда... Забрали и мужа Ядвиги, поляка. Ядвига надрывалась на работе. Работали и старшие две девочки, тринадцати и четырнадцати лет, но только летом. Зимой у них не было одежды. Да и о малышах надо было заботиться, из лесу на себе дрова возить, печь топить, стирать, штопать. Восемь детей-иждивенцев получали по 150 грамм хлеба, а права на баланду были лишены: в столовой давали лишь одну порцию на рабочего. Получала Ядвига черпак ржаной «затирухи», горсть соли, ведро кипятку... И все «обедали»!

Однажды я зашла к Яше Наливкину, нашему возчику. Работал он старательно, но явно через силу. Одутловатое лицо, мешки под глазами, дрожащие руки... Жена его редко выходила на работу.

- Болеет! - говорил Яша.

И вот я зашла в его лачугу. Зашла - и отшатнулась. Поперёк широкой кровати лежало шестеро детей. Убитая горем мать, сгорбившись, сидела на табуретке и тупо глядела на своих детей. Детей?! Да разве можно было назвать детьми этих шестерых воскового цвета опухших старичков? Лица без выражения, погасшие глаза... Мать - ещё молодая, но может ли быть возраст у такого страдания?

Обречённостью пахнуло на меня от этой картины. А ведь Хохрин каждый день угрожал и Яшу лишить пайки за то, что он саботирует, не выполняя нормы!

Чаще всего встречалась я с Валецкой Яременко - нам было по пути. Заходила я к ней по её просьбе: она была в отчаянии, так как у её сына Борьки был кровавый понос. Но как было помочь ей советом, когда единственным рабочим в семье была сама Валя, а делиться своей пайкой надо было со старухой свекровью и двумя детьми?

Меньшей девочке, тоже Вале, не было ещё пяти месяцев, и мать кормила её грудью. Но когда её перебросили на лесосеку на Ледиге, то ей пришлось ходить за 7 километров. Кормила она её лишь ночью. Да и какое уж там молоко при непосильной работе на морозе и когда своей пайкой надо накормить ещё три голодных рта?

...Об этих ребятах и подумала я тогда, когда встала и сказала:

- Нет, не принято! - и, не дожидаясь, взошла, почти вбежала на помост к трибуне.

Никогда до этого случая я не говорила с таким жаром и никогда не была так уверена, что поступила так, как обязана была поступить:

- Отослать 40 мешков крупы, доставленных с таким трудом на край света, в непроходимые болота, отослать их в армию - просто нелепо. Здесь они крайне необходимы! Ведь теперь судоходство по Оби резко ограничено, а по притокам и вовсе прекращено из-за нехватки горючего. Значит, пока транспорт не наладится, - а это

будет не раньше, чем будут освобождены наши топливные бассейны, - сюда никакие продукты завозиться не будут. А это значит, наши лесосеки прекратят поставку леса, который теперь так нужен! Пусть вас не трогает голод и смерть здешних рабочих, но и вы должны понять, что наш кумуляторный шпон более необходим армии, чем несколько мешков крупы! Мы работаем для армии: мы сами - тоже армия, трудовая армия, и, уничтожая её, вы способствуете уменьшению обороноспособности страны! Но допустим, что мы, рабочие, можем ещё подтянуть пояса потуже и урезать себе паёк. Но есть ещё и другое: безобразное, преступное, жестокое. Это неизбежная голодная смерть детей, чьи родители работают на ваших лесозаготовках. Пусть мы будем ещё более голодны, но пусть эти 40 мешков из здешней базы распределят по всем вашим точкам, где имеются дети. Пусть эти дети получают по 100, пусть даже по 50 грамм в день. Это, и только это, может их спасти от неминуемой гибели!

- Правильно! Верно! Пусть дети получают крупу! - как одной грудью прошептал весь зал. До чего велик был страх!

- Керсновская! То, что вы говорите, преступление! Вы агитируете против Красной армии! Это саботаж! - завопил не своим голосом Хохрин.

- Как? Дать 100 грамм крупы умирающему ребёнку - преступление? Сегодня я видела, как ваша жена без всякого ограничения покупала разных круп для вашей Лидочки, не говоря уж о том, что она из пекарни носит муку навалочками. И это не преступление? Да неужели вы не замечаете, что когда ваша корова и бык, возвращаясь с водопоя, испражняются, то в их помёте - непереваренный овёс, тот овёс, который должен был пойти на крупу в наш суп? А в этом супе крупинка за крупинкой бегают с дубинкой. И это всё не преступление?!

- Вы ответите за вашу провокацию! - зашипел Хохрин. - Собрание закрыто! Расходитесь! Да, за это выступление я расплатилась сполна. Уж и написал он «турусы на колесах» в очередном доносе! Я, оказывается, препятствовала энтузиастам, желавшим помочь Красной армии, и призывала к саботажу».